

Трагедия русской революции в письмах Мариана Здзеховского Максиму Горькому

Tragedy of the Russian revolution in Marian Zdziechowski's letters to Maxim Gorky

Резюме: Статья посвящена взаимоотношениям польского философа Мариана Здзеховского и русского писателя Максима Горького. Анализу подвергаются источники важные для уточнения контактов между российскими и польскими интеллектуалами и для горьковедения. Здзеховский в письмах Горькому обращался к нему с просьбами, высказывал свое мнение по поводу деятельности и творчества русского писателя и философии пессимизма.

Ключевые слова: Максим Горький, Мариан Здзеховский, пессимизм, русская революция, публицистика

Summary: This article analyses the relationship between the Polish philosopher Marian Zdziechowski and the Russian writer Maxim Gorky. The analysis is based on the sources used to provide a detailed insight into contacts between the Polish and Russian intellectuals, which is of great importance in Gorky studies. In his letters to Gorky, Zdziechowski included requests and voiced his opinions about Gorky's activity and works as well as about the philosophy of pessimism.

Key words: Maxim Gorky, Marian Zdziechowski, pessimism, Russian revolution, opinion journalism

Статья посвящена двум выдающимся личностям, озабоченным судьбой европейской цивилизации. В статье я постараюсь показать, по каким причинам Мариан Здзеховский несколько раз обращался к Горькому, в чем состояли его просьбы, а также выявить главные темы их переписки. Отдельное внимание будет уделено подходу обоих публицистов к философии пессимизма. Статья вносит вклад в анализ польско-российских отношений в период конца Первой мировой войны. Этот текст не только вводит в научный оборот новые источники, важные для горьковедения, но также является попыткой познакомить российского читателя с деятельностью Здзеховского.

Мариан Здзеховский – один из самых известных польских ученых начала XX века, деятельность которого подробно описана польскими филологами и историками (См. Zielewska-Rudnicka 2011: 186–207). По сей день он считается в Польше одним из немногих нероссийских ученых, которые хорошо разбирались в русской философии и менталитете. Без сомнения, Горький является фигурой куда более известной, чем Здзеховский, поэтому я позволю себе остановиться здесь только на биографии последнего.

Здзеховский родился в Ракове, в Минской губернии, в 1861 г. в имени своих родителей. Принадлежал к дворянскому сословию, что даже подчеркивал в одном

из писем Горькому, обращая тем самым внимание на различия между ними (Письмо 1917: л. 1). Образование он получил в Российской империи. Сначала он закончил Историко-филологическое отделение Петербургского университета, а потом продолжал учебу в Дерптском университете. Выезжал многократно на научные стажировки, в том числе в Загреб и Женева. Свою профессиональную деятельность молодой ученый связал с Ягеллонским университетом, в котором начал работать в 1888 г. Спустя одиннадцать лет он был уже экстраординарным профессором, известным среди славистов, философов и литературоведов во всем мире. Одной из главных научных проблем его исследований была Россия, особенно история идей и русская философия.

После восстановления независимости Польши в 1918 г. он стал профессором Виленского университета им. Стефана Батория и читал лекции по русской литературе, а также духовным основам современной европейской культуры. В 1925–1927 гг. Здзеховский занимал пост ректора университета. В Польше начала 20-х годов он был настолько известным и авторитетным человеком, что в 1926 г. стал одним из трех кандидатов, выдвинутых маршалом Юзефом Пилсудским на пост президента Польши. Несмотря на престижность такого предложения, польский философ ответил маршалу отказом. Он был слишком независим в своих политических взглядах, чтобы подчиняться одной партии, а тем более одному человеку.

Здзеховский был знаком и переписывался с Львом Николаевичем Толстым, Дмитрием Сергеевичем Мережковским, Сергием Николаевичем Булгаковым, Николаем Александровичем Бердяевым, Дмитрием Владимировичем Философовым и многими другими представителями науки и общественными деятелями. Взаимоотношениям Здзеховского с отдельными российскими писателями были посвящены статьи и монографии (Białokozowicz 1995; 1996: 17–68), поэтому удивительно, что до сих пор никто не проанализировал его взгляды на творчество Горького, а тем более – их переписку.

Первая мировая война застала Здзеховского в России – он уехал в родное имение. Австро-Венгрия, в которой находился Ягеллонский университет, не хотела возвращения Здзеховского из-за его политических взглядов, кроме того, многие считали его русофилом, несмотря на то, что он довольно остро высказывался о Российской империи, а особенно о политиках типа Петра Аркадьевича Столыпина. Все попытки вернуться в Ягеллонский университет закончились неудачей (Oraski 2006: 53–54). Здзеховский был вынужден остаться в Ракове или искать работу в столицах Российской империи. Однако, из-за своих критических взглядов на имперскую политику, ему сложно было найти здесь постоянную работу. Время от времени появлялись его статьи в русской прессе, в большинстве касающиеся польского вопроса. По мнению Здзеховского, любовь многих русских публицистов к Польше на рубеже 1914–1915 гг. была не настоящей, а искусственной. Он боялся, что Польша в результате войны опять будет использована Россией, которая долгое время ничего конкретного польскому обществу не предлагала (Здзеховский 1914: 15). С другой стороны, он подчеркивал, что, несмотря на исторические препятствия, впервые поляки хотят бороться за Россию и ожидают помощи именно с этой стороны. В 1914–1916 гг. Здзеховский проявлял активность в общественной жизни Москвы

и Петербурга, но для постоянной жизни в столицах у него не было достаточных средств.

Нет сомнений, что Здзеховский хорошо знал творчество Максима Горького уже в начале XX века. Во-первых, Горький в те времена был уже одним из самых популярных писателей в мире, во-вторых, пьесы Горького ставились в польских театрах с 1902 г. Практически любая его пьеса сразу же появлялась на польской сцене: в Российской империи (Варшава, Вильно), Австро-Венгрии (Львов, Краков) и Германии (Познань) (Głuszkowski 2019: 85–86). В-третьих, Здзеховский, как выпускник российских университетов и как филолог, занимающийся русской литературой, следил за новостями культурной жизни России.

Остается вопрос, когда именно Горький услышал впервые о Здзеховском? Кто-то рассказал писателю о видном польском профессоре, проживающем в России, или он прочитал какую-то статью польского слависта? Кто-то из общих знакомых рассказал Горькому о нем? Из письма Здзеховского к Горькому мы знаем, что они встретились в конце осени 1916 г. на одном из многочисленных собраний по вопросу о независимости Польши. По всей видимости, это был конец ноября – декабрь 1916 г. В 1914–15 гг. Центральные державы и союзники практически не затрагивали польский вопрос, по крайней мере, не предлагали полякам никаких шансов на независимость. Ситуация изменилась в 1916 г., когда, после более двух лет войны, как Антанта, так и Тройственный союз начали искать союзников, которые смогут перевесить чашу весов в их пользу. Только в ноябре Центральные державы объявили так называемый Акт 5 ноября: свой план создания Польского Королевства (Pajewski 2004). Россия была вынуждена ответить на жест Централных государств.

Максим Горький вернулся из эмиграции на родину в 1913 г., благодаря амнистии в честь трехсотлетия дома Романовых. Первая мировая война положила конец его надеждам не только на поступательное развитие цивилизации, но и на победу интернационального социализма, который с 1914 г. начал превращаться в национальный социализм. У Горького не было сомнений, что

эта война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех к всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей, она уже теперь у многих вызывает мысль о необходимости уничтожения целой нации, – писал он своей гражданской жене в сентябре 1914 г. (Горький 2004: 126).

И хотя в конце сентября 1914 г. он подписал национально-патриотическое воззвание *К родине и к всему цивилизованному миру*, напечатанное «Русскими ведомостями», Горький всегда подчеркивал, что война является самоубийством Европы. Горький в конце 1916 г. находился в Петрограде, где он активно занимался общественной и редакторской деятельностью. В это же время Здзеховский относительно часто приезжал в столицу России, и как один из наиболее известных поляков мог быть многократно приглашен на собрания, в которых участвовал и Горький.

Первое обнаруженное нами письмо Здзеховского Горькому было написано 1 ноября 1916 г. Нет сомнений, что Горький получал и читал письма Здзеховского. К сожалению, нам не удалось найти ответных писем, но Здзеховский еще до 1 ноября 1916 г. получал от Горького его статьи. По всей видимости, он имел в виду цикл *По Руси* и тексты, помещенные в журнале «Летопись», которые определил как «сильные, мужественные, проникнутые глубокой любовью к вашей родине и тревогой за ее будущее» (Здзеховский 1916: 1). К сожалению, мы не знаем, было ли к статьям прикреплено письмо, и тем более каково было его содержание.

Здзеховский получил также программную статью Горького *Две души* 1915 года, которая показывала главные идеологические принципы западничества Максима Горького. Как автор многих философских работ, он позволил себе полемизировать с русским писателем. Прежде всего, он подчеркнул, что Горький

слишком резко противопоставляет друг другу мрак Востока и Свет Запада, не принимая в расчет, что исключительно праславянское «знание как начало всех начал» ведет к обоготворению культуры, обожествленная же культура узаконяет уничтожение племен неспособных к культуре, и к этим племенам она причисляет, наряду с краснокожими индейцами, народы, павшие в неравной борьбе (Здзеховский 1916: 1 об.).

Для польского философа такое толкование взглядов Горького особенно болезненно. Ведь всё последнее столетие Россия и Германия пытались если не уничтожить польскую нацию, то по крайней мере сильно русифицировать и германизировать ее.

Горький действительно в *Двух душах* сопоставлял Европу – полную духовной энергии и силы, жители которой – «вожди и хозяева своей мысли» – Востоку, полному «мистики, суеверий, пессимизма и анархизма, неизбежно возникающего на почве безнадежного отношения к жизни» (Горький 1997: 97). По мнению Горького, человек Запада показал, что он сильнее природы, которую он может заставить работать для своей пользы.

Я противопоставляю два различных мироощущения, – писал Горький, – два навыка мысли, две души. Основная сущность их – одинакова, – стремление к добру, красоте жизни, к свободе духа. Но по силе целого ряда сложных причин большинство человечества еще не изжило древнего страха перед тайнами природы, не возвысилось до уверенности в силе своей воли, не чувствует себя владыкой своей планеты и не оценило сущности деяния как начала всех начал (Горький 1997: 98).

Видимо, у Горького не было сомнений, что сущность двух душ одинакова – стремление к добру, свободе и красоте, но человек Востока слишком боится рока и сил природы, чтобы реализовать свои мечты (Горький 1997: 95). Таким образом, для человечества остается только одно направление развития – западное.

У Здзеховского, как автора только что изданной двухтомной книги *Пессимизм, романтизм и основания христианства*, были все основания начать полемику с Горьким. По мнению польского ученого, европейская цивилизация не должна избегать опыта азиатской философии. И как раз 1914 год показал, что нельзя игнорировать зло, которое окружает нас и в любой момент может показать свою силу. Следующий шаг, который должно сделать человечество в XX столетии – это «синтез двух культур: европейско-христианской и азиатско-буддийской» (Zdziechowski 1915: V). Без сомнения, в философии Здзеховского, особенно во время Первой мировой войны, прослеживается сильное влияние взглядов Артура Шопенгауэра (Marciniak 2013: 121–129).

В своем письме Здзеховский пытался в самых коротких словах объяснить идею своей философии, у которой нет ничего общего с пессимизмом польских литераторов, в том числе очень популярного в России Станислава Пшибышевского. Он подчеркивал, что все думающие люди должны признать, что зло существует в мире, но это не означает, что нам дозволено прекратить с ним борьбу. При этом мы должны понять, что мы не сможем его уничтожить. Философия должна соединить христианскую жизнерадостную веру в Бога с буддийским утверждением зла.

Философический пессимизм – писал Здзеховский Горькому – нельзя считать уходом из жизни. Нет. Это воззвание к борьбе со злом. Он воспитывает в человеке два чувства – сострадание и чувство чести (*honneur*), властно повелевающие не кланяться челом и противиться торжествующему злу до последнего деяния. Трагический пессимизм Ugo Fascolo стал сильнейшим двигателем творческого деяния Джузеппе Mazzini. Понятие пессимизма и героизма родственны (Здзеховский 1916: 1 об.).

Из вышесказанного следует, что, в отличие от Горького, Здзеховский не считал пессимизм бегством от мира. По этим же причинам он не соглашался с Горьким в том, чтобы называть Восток дряхлым. По мнению польского философа, это «результат трезвого наблюдения» (Здзеховский 1916: 2). По всей видимости, Здзеховский прекрасно знал, что ему сложно будет убедить Горького в своих взглядах, но, как полемист и дидактик, он не мог не вспомнить в письме о своем понимании философии зла. С другой стороны, в творчестве Горького можно заметить своего рода фиксацию на восточных элементах. На это обращал внимание уже Корней Чуковский в 1920-х гг. Не случайно Горький на страницах ряда книг боролся с азиатством.

Все русские болезни, о которых он говорит в своей повести [*В людях*], именуется теперь у него азиатскими, восточными, монгольскими. Не просто фатализм, а фатализм восточный, не просто изуверство, а изуверство азиатское. Азия в нашей крови, Азия в нашем быту – вот единственная наша болезнь, породившая все остальные (Чуковский 2010: 51).

Чуковский даже заметил: «Азия живет в нем вопреки его теориям, и часто когда он хочет осудить азатчину, он против воли благославит ее» (Чуковский 2010: 69).

Евгения Викторовна Иванова, литературовед из ИМЛИ РАН, считает даже, что у Горького были две души, «одна из которых тянула писателя в Европу, а другая – оставалась верна породившей ее Азии» (Иванова 2010: 18). В каком-то смысле Здзеховский правильно угадал, что Восток и «азиатство» России являются одними из главных проблем для Горького.

Здзеховский прекрасно понимал, что у Горького каждый день много встреч с видными представителями культуры и науки, а также политическими деятелями, поэтому в своем письме заявлял, что понимает, что русский писатель может его не помнить. Писал, что несмотря на то что у них совершенно разные политические взгляды, он выписывает и читает «Новую жизнь» (Здзеховский 1916: 1) – в это время одну из самых популярных и влиятельных газет (Коростелев 2015: 266). В июле 1917 года Здзеховский обращался к Горькому по поводу планов заключения мира или перемирия России с Австро-Венгрией и Германией. Адресат письма был неслучайным. Во-первых, Горький, как один из немногих влиятельных людей, прямо говорил о бессмысленности войны. Во-вторых, эта тема была одной из главных в июньских выпусках «Новой жизни».

В статьях сотрудников Вашей газеты очень ярко выступает сознание того, что война, особенно в настоящий момент, является предприятием англоамериканского империалистического капитализма, поставившего себе целью уничтожение немецкой конкуренции на мировом рынке, – писал Здзеховский, – С какой же стати проливать кровь России для того, чтобы «союзники» могли дороже продавать свои товары? (Здзеховский 1917: 1 об.).

Здзеховский разделял эту позицию и поэтому живо реагировал, не понимая слов некоторых сотрудников газеты Горького, которые в то же самое время писали, как подчеркивал польский философ, что «... наши союзники не хотят мира и мы тоже мира с подлым правительством Австро-Германии не заключим» (Здзеховский 1917: 1 об.). Именно это заставило Здзеховского обратиться к Горькому.

Тайные разговоры о сепаратном мире начались еще в 1914 г. (Лукоянов 2014: 80-93). Без сомнения, с каждым годом все страны всё больше и больше чувствовали тяготы войны. Здзеховский был прав, что в 1917 году у Австро-Венгрии были серьезные внутри- и внешнеполитические проблемы и правительство этой страны отдавало себе отчет, что продолжение войны может кончиться крахом всей империи. Поэтому дипломаты и русофилы при Габсбургском дворе спрашивали в кулуарах россиян, насколько их правительство заинтересовано в завершении кампании. Здзеховский в своем письме не скрывал, что как поляк он должен быть заинтересован в продолжении войны. Ведь каждый год продолжающейся Первой мировой войны – это ослабление сверхдержав и шанс для Польши на независимость. Однако, с точки зрения Здзеховского, польского патриота, намного важнее человеческие жизни. Он также подчеркивал, что для него особенно важна Галиция, в которой он жил и работал двадцать лет, Галиция, через которую долгие времена проходил фронт и которая в последние три года часто меняла хозяина, Галиция, в которой следы Первой мировой войны видны даже в XXI в.

Особенно дорога моему сердцу чудная Галиция, едва начавшая лечить свои раны после страшного русского нашествия 1914–1915 гг., [которая] опять превращается в пустыню «Корниловскими орлами» (Здзеховский 1917: 2).

Здзеховский спрашивал также Горького, почему социалистическая пресса не требует от государства мира и почему «русская революция совершила полный крах во внешней политике и обнаружила такое жалостное бессилие» (Здзеховский 1917: 1–1 об.). Здзеховский надеялся, что падение Российской империи будет означать конец войны. Конечно, он несправедлив по отношению к Горькому, потому что русский писатель многократно заявлял о необходимости прекращения войны. Здзеховский также переоценивал роль и значение «Новой жизни». Несмотря на количество подписчиков, Александр Керенский и Временное правительство не обращали внимания на позицию социалистов и даже не думали следовать позиции Горького. Как раз в июле Керенский решил коренным образом поменять политику государства и стать революционным диктатором (Pipes 2006: 459).

Здзеховский вписывался своим письмом в горьковскую поэтику в отношении войны. Ведь Горький писал в *Несвоевременных мыслях*:

«Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии. (...) Самое отвратительное и кровавое чудовище – чудовище войны». Несколько недель спустя он писал: «Великая российская революция не закончилась, она продолжается. Огромные общественные задачи – завершение войны» (Горький 1917: 3, 59).

У Горького не было сомнений, что это «окаянная война», которая является «самоубийством Европы» (Горький 1917: 4, 194).

Кажется, что польский ученый не понимал, что Горький не отвечает за позицию всей газеты, а только за свои очерки. Несмотря на то, что многие журналисты разделяли мнение Горького в отношении войны, некоторые из них еще больше опасались «позорного мира» и высказывались за продолжение военных действий.

Здзеховский в конце первого письма подытоживал:

Когда читаешь статьи «Новой жизни» о внешней политике России, русская революция представляется в образе бедного животного, загнанного в западную и в отчаянии бьющего головой то в одну, то в другую стену, но понапрасно – выхода нет (Здзеховский 1917: 2 об.).

По его мнению, Россия осталась одним из самых важных игроков на мировой сцене и, несмотря на множество ошибок и экономические проблемы, была настоящей империей, которая в любой момент может прекратить великую войну.

Вряд ли Здзеховский верил, что его письмо может что-то поменять, но из своего Ракова он не мог сделать больше. Единственным человеком среди его знакомых,

у которого были какие-то связи с российским правительством и схожие взгляды на войну, был именно Горький. В конце письма Здзеховский заявлял, что его просьба имеет частный характер и не годится для публикации. Это, конечно, было связано с его позицией в отношении продолжения войны, которая могла не понравиться многим его соотечественникам.

Это не последнее письмо Здзеховского Горькому. В конце 1917 г. Здзеховский обратил внимание на ужасные условия польских военнопленных в Российской империи. Это были польские солдаты, которые в большинстве насильно, по крайней мере, не добровольно, были взяты в немецкую или австро-венгерскую армии. В конце войны некоторые поляки следовали примеру чехов и словаков и добровольно сдавались в плен, другие были взяты во время обычных боевых действий. По сравнению с началом войны, военнопленные в 1917 г. находились в ужасающих бытовых условиях. В ноябре 1917 г. в польскоязычной газете «*Dziennik Petrogradzki*», которая выходила в столице Российской империи с 1909 года (Banaszkiewicz 2017), Здзеховский написал, что некоторые подданные Российской империи «в ухаживании за ранеными или больными видели почти государственную измену» (Zdziechowski 2017: 1). Его призывы, а также призывы других поляков обеспечить военнопленных нормальными условиями проживания, не принесли ожидаемых результатов. В конце 1917 г. у русских журналистов были темы, которые занимали их больше, чем помощь военнопленным Центральным державам. Только тогда у Здзеховского появился план опять обратиться с просьбой к Максиму Горькому. Здзеховский надеялся на публикацию своего воззвания к российскому обществу в горьковской «*Новой жизни*». Сначала он отправил письмо Горькому, но оно осталось без ответа. Затем он пытался добиться публикации через знакомых, но это тоже не принесло результатов. В виленском архиве историк из Гданьского университета Збигнев Опацкий нашел записку в черновике письма:

Письмо это было мной написано в начале июля 1917 года и отправлено по адресу газеты «*Новая жизнь*», редактором которой является Максим Горький. Письмо не было опубликовано. По моей просьбе проф. Бодуэн де Куртенэ в своей любезности несколько раз узнавал в редакции о его судьбе. Всегда получал ответ, что письмо не было получено. Я планировал отправить его копию, но люди, знающие редакцию, сказали, что мое письмо в никаком случае не смогло бы себе найти места в «*Новой жизни*» (*List otwarty Zdziechowskiego*, цит. по. Ораскі 2006: 90).

С другой стороны, Горький, одним из немногих российских публицистов, поднял тему военнопленных. В статье о «чистой правде», он писал о нечеловеческом поведении русских солдат под Сморгонью, когда солдаты убивали пленных и гражданское население. У Горького не было сомнения, что во всех армиях многие солдаты «озверели» и не ведут себя как «нормальные люди». «Не могу отрицать, что отношение немцев к русским военнопленным – гнусно, ибо знаю, что отношение старой русской власти к немецким военнопленным было тоже гнусным» (Горький 1917: 3). У Горького была надежда, что Временное правительство будет по-другому

подходить не только к теме военнопленных, но и к вопросу заключения мира. Надежды Горького не оправдались.

Когда Здзеховский понял, что ему вряд ли удастся опубликовать свое открытое письмо в одном из самых влиятельных и популярных изданий в России, он решил издать свое открытое письмо Горькому в польскоязычной прессе. «По политическим и общественным убеждениям я далек от Вас и российского социализма. Но вряд ли я мог бы обратиться с этим письмом к Гучкову и его товарищам на правом и левом фланге» (Zdziechowski 1917: 2). Здзеховский постоянно повторял, что он во многом отличается от Горького, но считает его одним из немногих влиятельных порядочных людей, людей нравственных и, главное, заинтересованных в мире. Как было указано в письме – «мире на основе справедливости и права любого народа на независимость» (Zdziechowski 1917: 2). Не известно, было ли это письмо получено Горьким.

Письма Мариана Здзеховского Горькому показывают, насколько влиятелен был Максим Горький не только как писатель, но также и как публицист, редактор и общественный деятель, во время Первой мировой войны. Несмотря на множество различий между польским ученым-помещиком и русским писателем, который раньше был босяком, Горький оказался единственным влиятельным человеком, к которому Здзеховский мог обратиться со своей просьбой. Однако, как и Здзеховский, Горький не смог повлиять на приближение конца войны.

В заключении статьи можно сказать, что тема «Горький и Польша» еще не закрыта, и в архивах можно найти еще много источников, которые способны обогатить рассмотрение этой проблематики (Ср.: Lenarczyk). Этот текст вносит свой вклад в уточнение контактов между российскими и польскими интеллектуалами времен начала революции 1917 года. Мариан Здзеховский не соглашался и даже спорил со многими философскими теориями Горького, но уважал мнение русского писателя. Из писем Здзеховского видно, что Горький также был для него одним из моральных авторитетов, одним из немногих влиятельных людей, думающих о будущем всего человечества, а не только своей нации.

Источники:

- Горький М., 1997, *Две души*, [в:] *Максим Горький: Pro et Contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890-1910-е гг.*, Санкт-Петербург, с. 95-108.
- Горький М., 1917, *Несвоевременные мысли*, „Новая жизнь” № 3, 4, 59, 194.
- Горький М., 2004, *Письмо М.Ф. Андреевой, 9 сентября 1914 г.*, [в:] *Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах*, т. 11. Москва.
- Здзеховский М. 1917, *Письмо М. Горькому*, 1 ноября, Архив Горького, Кб-инП 2-12-2.
- Здзеховский М. 1916, *Письмо М. Горькому*, 2(15) июля, Архив Горького, Кб-инП 2-12-1.

Литература:

- Banaszkiewicz M., 2017, *Dziennik Petersburski*, [w:] *Encyklopedia „Polski Petersburg”*, <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/dziennik-petersburski> [28.12.2020].

- Bator J., 2005, *Wojna galicyjska. Działania armii austro-węgierskiej na froncie północnym (galicyjskim) w latach 1914–1915*, Kraków.
- Białokozowicz B., 1995, *Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj*, Białystok.
- Białokozowicz B., 1996, *Marian Zdziechowski i Michał Arcybaszew*, [w:] *Studia Rossica III*, red. Skrunda W., Zmarzer W., Warszawa, s. 17–68.
- Głuszkowski P., 2019, *Recepcja twórczości literackiej Maksyma Gorkiego w Polsce*, «Studia Rossica Gedanensia» nr 5, s. 83–96.
- Lenarczyk J., 1966, *Maksym Gorki*, [w:] *Maksym Gorki*, red. Lenarczyk J., Warszawa, s. 6–74.
- Marciniak M., 2013, *Inspiracje Schopenhauerowskie w filozofii zła Mariana Zdziechowskiego*, «Studia z Historii Filozofii» nr 1(4), s. 121–129.
- Opacki Z., 2006, *Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego 1914–1918*, Gdańsk.
- Pajewski J., 2004, *Pierwsza Wojna Światowa 1914–1918*, Warszawa.
- Pipes R. 2006, *Rewolucja rosyjska*, tłum. T. Szafar, Warszawa.
- Zdziechowski M., 1917, *Jeńcy wojenni*, cz. II, „Dziennik Narodowy” nr 60.
- Zdziechowski M., *Pesymizm, romantyzm, a podstawy chrześcijaństwa*, T. 1, Kraków 1915.
- Zielewska-Rudnicka B., 2011, *Polscy myśliciele o filozofii rosyjskiej*, «ВЕЧЕ. Журнал русской философии и культуры» № 22, с. 186–207.
- Здзеховский М., 1914, *Трагизм Польши (Письмо в редакцию)* «Новое звено» № 39.
- Иванова Е.В., 2010, *Евразийская душа Максима Горького*, [в:] Чуковский К., *Две души М. Горького*, Москва, с. 3–18.
- Коростелев С. Г., 2015, *Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте*, Санкт-Петербург.
- Лукоянов И.В., 2014, *Россия и сепаратный мир (1914–1917 гг.): из внешнеполитической во внутриполитическую проблему*, «Вестник Вятского государственного университета» № 9, с. 80–93.
- Чуковский К., 2010, *Две души М. Горького*, Москва.

Sources:

- Gor'kiy M. 2004, *Pis'mo M.F. Andreyevoy ot 9 sentyabrya 1914 g.*, [in:] *Polnoye sobraniye sochineniy*. Pis'ma v 24 tomakh, t. 11. Moskva.
- Gor'kiy M., 1917, *Nesvoyevremennyye mysli*, „Novaya zhizn” No. 3, 4, 59, 194.
- Gor'kiy M., 1997, *Dve dushi*, [w:] *Maksim Gor'kiy: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Maksima Gor'kogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley 1890–1910-e gg.*, Sankt-Peterburg, p. 95–108
- Zdzekhovskiy M., 1916, *Pis'mo M.Gor'komu*, Arkhiv Gor'kogo, Kb-iNP 2-12-1.
- Zdzekhovskiy M., 1917, *Pis'mo M.Gor'komu*, Arkhiv Gor'kogo, Kb-iNP 2-12-2.

References:

- Banaszkiewicz M., 2017, *Dziennik Petersburski*, [in:] *Encyklopedia „Polski Petersburg”*, <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/dziennik-petersburski> [28.12.2020].

- Bator J., 2005, *Wojna galicyjska. Działania armii austro-węgierskiej na froncie północnym (galicyjskim) w latach 1914-1915*, Kraków.
- Białokozowicz B., 1995, *Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj*, Białystok.
- Białokozowicz B., 1996, *Marian Zdziechowski i Michał Arcybaszew*, [in:] *Studia Rossica III*, Skrunda W., Zmarzer W. (ed.), Warszawa, pp. 17–68.
- Chukovskiy K., 2010, *Dve dushi M. Gor'kogo*, Moskwa.
- Głuszkowski P., 2019, *Recepcja twórczości literackiej Maksyma Gorkiego w Polsce*, «Studia Rossica Gedanensia» no 5, pp. 83-96.
- Lenarczyk J., 1966, *Maksym Gorki*, [in:] *Maksym Gorki*, Lenarczyk J. (ed.), Warszawa, pp. 6-74.
- Ivanova Ye.V., 2010, *Yevraziyskaya dusha Maksima Gor'kogo*, [in:] Chukovskiy K., *Dve dushi M. Gor'kogo*, Moskwa, pp. 3-18.
- Korostelev S. G., 2015, *Zhurnal «Letopis» (1915–1917) i gazeta «Novaya zhizn'» (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste*, Sankt-Peterburg.
- Lukoyanov I.V., 2014, *Rossiya i separatnyy mir (1914–1917 gg.): iz vneshnepoliticheskoy vo vnutripoliticheskuyu problemu*, «Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta» No 9, pp. 80-93.
- Marciniak M., 2013, *Inspiracje Schopenhauerowskie w filozofii zła Mariana Zdziechowskiego*, «Studia z Historii Filozofii» No. 1(4), pp. 121–129.
- Opacki Z., 2006, *Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego 1914–1918*, Gdańsk.
- Pajewski J., 2004, *Pierwsza Wojna Światowa 1914–1918*, Warszawa.
- Pipes R. 2006, *Rewolucja rosyjska*, tran. T. Szafar, Warszawa.
- Zdekhovskiy M., 1914, *Tragizm Pol'shi (Pis'mo v redaktsiyu)*, „Novoye zveno” No. 39.
- Zdziechowski M., 1917, *Jeńcy wojenni*, vol. II, „Dziennik Narodowy” No. 60.
- Zdziechowski M., *Pesymizm, romantyzm, a podstawy chrześcijaństwa*, T. 1, Kraków 1915.
- Zielewska-Rudnicka B., 2011, *Polscy myśliciele o filozofii rosyjskiej*, «ВЕЧЕ. Журнал русской философии и культуры» no 22, pp. 186–207.